

Раушан

Иманжусуп

доктор философских наук,
профессор ЕНУ им. Л. Н. Гумилева

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМАНЖУСУПА

Создание Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий и подписанный Президентом Касым-Жомартом Кемелевичем Токаевым исторический указ от 24 ноября 2020 года вызвали широкий общественный резонанс. В число многих целей и задач в полномочия Государственной комиссии входит «выработка и внесение предложений по обеспечению разработки и принятия Государственной программы по увековечению памяти жертв политических репрессий, в том числе проявивших героизм в борьбе за свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана».

Так самым непосредственным образом коснулся указ и моей тридцатилетней деятельности по возвращению имени моего деда – борца за независимость Казахстана, певца и композитора, народного героя Иманжусупа, расстрелянного в 1931 году за участие в антисоветском восстании. И хотя документы о его реабилитации мой отец Нурхан, участник Великой Отечественной войны, получил в 1992 году, это, как оказалось, была не полная реабилитация.

Вот почему, на мой взгляд, Указ о полной реабилитации жертв политических репрессий – это необходимое, верное и своевременное решение, способствующее восстановлению исторической справедливости. На собственном опыте мне пришлось убедиться, что принятый в 1993 году Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых репрессий» хоть и способствовал планомерным поискам, но в то же время и ограничивал их: чувствовалась какая-то незавершенность и недосказанность, а порой искусственная заторможенность в процессе реабилитационных мер. Лично для меня, как исследователя жизни и деятельности моего деда Иманжусупа Кутпанова, деятелей движения Алаш была непонятна апатичность властей, особенно местных администраций, в содействии и оказании реальной помощи в увековечении подвигов жертв политических репрессий. В лучшем случае они ограничивались мероприятиями, посвященными событиям депортации этносов, избитыми и набившими оскомину докладами по теме, да 31 мая, в день памяти жертв репрессий, организацией митингов и круглых столов при минимальном стечении народа.

Досада брала от того, что материалы, добытые нами в неустанном поиске, чаще всего годами хранились в ящиках наших столов, и мы не могли обнаружить уникальные открытия, активно пропагандировать бесценные факты по

реабилитации безвинно осужденных, десятилетиями насильственно преданных забвению, клевете, очернению славных сынов и дочерей нашей земли. Как ученый, занимающийся в течение тридцати лет систематизацией и пропагандой жизни и деятельности реабилитированных представителей науки и культуры, могу свидетельствовать, что происходила какая-то тайная борьба, постоянное сопротивление со стороны администрации и руководителей разного уровня в благородном деле возвращения славных имен. Один реальный пример из моей практики: когда я пришла в начале девяностых к одному высокопоставленному начальнику, она раздраженно бросила мне: «Покажите оригиналы документов. Копиям я не верю». Ошеломленная этим заявлением, я пыталась сказать, что оригиналы хранятся в папках Комитета национальной безопасности, но все было напрасно.

Я даже начала думать, что, может быть, в рамках некоей теории заговора существуют активные потомки врагов репрессированных, например, потомки врагов Иманжусупа, которых он в свое время ославил в своих песнях, так вот они всеми силами пытаются препятствовать возвращению народу его имени, его песен. Иначе чем объяснить то, что в городе Кокшетау, например, были переименованы улицы, но имя Иманжусупа было вычеркнуто из всех списков чьей-то недреманной рукой. А как объяснить то, что кумиру Сарыарки была выделена маленькая тупиковая улочка в Астане, последняя перед вокзалом? И это еще не самое главное.

В 2013 году, когда по распоряжению премьер-министра были проведены юбилейные торжества Иманжусупа в большинстве регионов республики, только Акмолинская область, где Иманжусуп прожил более полувека, не выполнила распоряжения правительства. Почему? Может, тоже потомки врагов, окопавшихся в области...

Конечно, этот список несвершенных дел можно продолжить, но то, что было проделано трудами моих единомышленников, моих друзей, широкой общественностью на протяжении тридцати лет, могло быть несравненно более эффективно и плодотворно, не будь этих торможений и бездеятельности, явных или нечаянных, со стороны властей.

Вот почему первой моей мыслью было обратиться к только что созданной комиссии, рассказать о моих сомнениях и разочарованиях, попросить помощи, найти среди членов комиссии единомышленников. Так я и встретила с необыкновенным человеком, членом комиссии, руководителем Проектного офиса по сопровождению деятельности Госкомиссии Касымовым Сабыром Ахметжановичем. После встречи и разговора с ним стало понятно, почему я чувствовала все время какую-то недосказанность и неопределенность в мероприятиях по реабилитации. Оказывается, Казахстан за 30 лет независимости не принял специального государственного акта по полной юридической и политической реабилитации борцов за свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана. Между тем, есть неписанный закон. Почти все государства мира, провозгласившие независимость, в числе первоочередных мер полностью реабилитируют и возводят в ранг национальных героев тех, кто был подвергнут прежними властями государственному преследованию и репрессиям за их борьбу во имя свободы и независимости своих народов и Родины. Это мировая практика, которой следуют все вновь образованные государства.

– В законе РК от 14 апреля 1993 года эта категория жертв репрессий вообще не упоминается, – отмечает Сабыр Ахметжанович, – нет ни одного слова о жертвах – борцах за свободу и независимость, территориальную целостность Казахстана. Хотя эти репрессии – самые длительные по срокам, самые системные и самые жестокие и скрытые. Героизм и подвиги борцов за независимость Казахстана следует считать высшей государственной ценностью, национальным достоянием народа. Они подлежат сохранению и увековечению для патриотического и нравственного воспитания нынешнего и будущих поколений казахстанцев.

А мне вспомнились слова бывшего акима Аксуского района Павлодарской области, земляка Иманжусупа, Николая Васильевича Дычко: «Я буду воспитывать все население района образом Иманжусупа, потому что он реальный герой народа, отдавший жизнь за свободу».

Кроме того, что Иманжусуп боролся с оружием в руках за свободу родной земли, он, как выдающийся музыкант и композитор, поднимал моральный дух людей своими бунтарскими песнями, и потому был репрессирован не только он сам как участник антисоветских выступлений, но подверглось репрессиям и насильственному забвению все его творческое наследие. Поэтому очень важно и нужно возродить подвиги Иманжусупа, вернуть народу его огненные песни, увековечить его имя в Казахстане.

Сабыр Ахметжанович с интересом выслушал мой рассказ об Иманжусупе и предложил объединить усилия по его возвращению, полной и окончательной реабилитации, признанию его национальным героем, а его беспримерных подвигов – национальным достоянием. А потому необходимо рассказать о тридцатилетнем пути по следам народного батыра, о людях, способствовавших восстановлению в независимом Казахстане его погранного репрессивной машиной имени.

ПО СЛЕДАМ ИМАНЖУСУПА

В 1992 году моему отцу Нурхану выслали документы о реабилитации Иманжусупа Кутпанова, объявленного врагом народа за участие в антисоветском восстании и расстрелянного. Как явствовало из присланных бумаг, Иманжусуп был приговорен тройкой к расстрелу 2 марта 1931 года. Оказалось, что отец всю жизнь искал следы Иманжусупа. Ураган сталинских репрессий разогнал птенцов из гнезда Кутпановых. Отцу чудом удалось остаться в живых – старшие братья, выполняя наказ Иманжусупа, тайно вывезли его в Ташкент вместе с тремя маленькими сестренками. Потом им удалось пристроить его в Наманганский детский дом под фамилией Юсупов. Юсуповыми стали и остальные дети Иманжусупа. Отец закончил Андижанский агрохимический техникум, стал агрономом, работал в Субхандарьинской области, был призван в армию перед самой войной, осенью 1940 года. Прошел всю войну, был командиром отделения «Катюш», участвовал в боях под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге. После победы в 1945 году еще год провел в Маньчжурии. На родину вернулся в 1946 году, был тридцатитысячником, работал председателем колхоза, директором МТС. Женился, семья была большой – шестеро детей.

Я помню, как я, маленькая, приставала всегда с одним вопросом: «Кто твой отец? Как его зовут? Юсуп?» Отец отвечал: «Не знаю. Я родился в детдоме». Помню, однажды я прибежала из школы, радостная, возбужденная: «Отец, я знаю,

мы из рода князей Юсуповых, это знаменитый род! Князю Юсупову сам Пушкин посвящал стихи!» И стала читать наизусть: *«И часто я украдкой убегал // В великолепный мрак чужого сада, // Под свод искусственный порфирных скал...»* Отец выслушал меня и сказал: «Нет, я не имею отношения к ним. У нас другие корни».

Много позже он признавался: «Как хотелось рассказать тебе о своем отце, о своих предках. Но я сдерживал себя, опасаясь последствий. Ведь в те годы нельзя было даже произносить вслух имя Иманжусупа». Не знала я тогда, что была недалеко от истины, говоря о князьях Юсуповых. Как оказалось, прапрадед мой Турганбай Сиргебаев во времена Кокандского ханства был наместником Туркестана и носил титул датки – пансата, в восточной традиции по сути – князя. На берегах Сырдарьи сородичи до сих пор не произносят вслух имени Иманжусупа, а называют почтительно даткой, а меня дочерью датки...

С документами о реабилитации, заручившись письмом от Союза писателей, я пришла в Комитет государственной безопасности, что в то время располагался по улице Дзержинского. Мне предстояло познакомиться с делом деда. Провели в маленькую, с чуланчик комнатку без окон. Василий Иванович, человек в штатском, положил на столик толстую, пухлую папку. Пристально глядя мне в глаза, сказал: «Хочу предупредить – это может оказаться для вас слишком тяжелым испытанием. Постарайтесь быть спокойнее, что бы вы ни увидели, держите себя в руках». Мне предстояло впервые встретиться со своим дедом, родителем моего отца, я должна была узнать место его последнего пристанища.

Конечно, я немного волновалась, но я и представить себе не могла, что произойдет через несколько минут. Он раскрыл папку, держа ее в своих руках, и стал перелистывать страницы, приговаривая: «Вот это вам не надо, и вот это не разглашать, вот это прочитайте и запомните, а вот это не надо запоминать». И вдруг появилась анкета арестованного – она была заполнена, как и все остальные, фиолетовыми чернилами, но в конце ее стояла подпись, которую дед написал по-арабски. Меня как будто что-то толкнуло прямо в сердце – дед подписался своей ручкой, перо было тонкое, арабские буквы были выписаны аккуратно, но главное – зелеными чернилами. Не в силах отвести взгляда от подписи, я смотрела сквозь слезы, и не могла, не могла сдержать подступившего крика, почти вопля. Дело в том, что с детства я рисовала почему-то только одной краской, одним карандашом – зеленым, и меня невозможно было уговорить пользоваться другим цветом. Эта привычка осталась, кстати, и в институте: все конспекты лекций записывала я зелеными чернилами...

Как было страшно, больно, но именно тогда ко мне пришло ощущение близости, родства с этим человеком, который и вправду был моим дедом. Ко мне будто вернулась память. Я вспомнила, как редкие гости в нашем доме говорили обо мне, что я настоящий герой, вся в своего деда, дядя Акылбек до конца своей жизни звал меня каскыром и рассказывал всем о подвигах, совершенных мной в пятилетнем возрасте. Старшая сестра отца, Гульжазира, в то время ослепшая, всегда говорила, чтобы меня никуда не отпускали одну, иначе меня заберут аруаки, духи предков. И мне тогда показалось, что вся моя жизнь была подготовкой к этой встрече. Я должна была узнать об Иманжусупе первая, узнать его и привести к людям.

С этого дня началась моя новая жизнь – я направлялась по следам Иманжусупа. Мой путь начался с поездки в Акмолу. Одним из его этапов стало письмо на имя президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева с

просьбой об увековечении славного имени сына казахского народа Иманжусупа Кутпанова. Письмо было подписано известными личностями, общественными деятелями, представителями науки и искусства.

Первым подписал обращение покойный Абдильда Тажибаев. Незадолго до его кончины я вместе с журналистом и братом Муратом Кулиμβетовым пришла к девяностолетнему патриарху отечественной литературы. Абдильда ага тогда уже был серьезно болен, за ним ухаживала его дочь Зифа. Когда он услышал что пришла внучка Иманжусупа, он попросил поднять и посадить его. Он был очень слаб, практически не видел, и Зифа сказала: «Давайте я подпишу вместо вас». Он покачал головой: «Нет, я сам. Это очень важный документ. Сама история пришла ко мне сегодня, и я очень счастлив, что мне посчастливилось дожить до этого дня». Слабым голосом, задыхаясь, напутствовал: «Как вернешься, зайди, расскажешь мне новости». Когда я вернулась, Абдильда Тажибаев уже покинул этот свет. Мир вашему праху, дорогой Абдильда ага.

Сафуан Шаймерденов тоже был давно болен и почти не вставал с постели, но меня встретил в гостиной. Бледный, худой, ослабевший, он не скрывал радости, что Иманжусуп реабилитирован, читал стихи поэта, напевал мелодии его песен. Письмо подписали еще такие знаменитости, как Манаш Козыбаев, Ермек Серкебаев, Бибигуль Толегенова, Музафар Алимбаев, Шерхан Муртаза, Герольд Бельгер, Кенес Нурпеисов, Хайдар Арыстанбеков, Мухтар Магауин.

Мне надо было встретиться с теми, кто был очевидцем, кто видел Иманжусупа, кто мог бы мне рассказать о нем. В Александрове, нынче это село Жибек Жолы, я познакомилась с Хамитом Нуртазиным, с братьями Абдулхамитом и Абдувахитом, близкими родичами Иманжусупа, с потомками старшей сестры деда Батиш. Старики, особенно Хамит ага, могли рассказывать об Иманжусупе часами. Хамит ага показывал мне место, где стояли срубленные из бревен дома Кутпановых – они жили отдельно от аула Карасу. Помню, это было глубокой зимой, на кладбище, где были захоронены только Кутпановы – родители, старшие братья, их жены, их дети. Могильник был окружен глубоким рвом. «В самом центре стоял сложенный из кирпичей мазар Шоная, но в целину его разобрали на постройку домов», – сказал, вздыхая, Хамит ага. Среди могил росло огромное дерево – дарак, рядом – еще одно дерево, похожее на кустарник. «Смотри, дочка, чтобы не распахали это место, до сих пор я был шыракшы (сторожем), теперь я стар и передаю все заботы о нем тебе. Ты должна огородить его, поставить знак. Времена меняются, люди уходят, чтобы память осталась, надо сохранить это кладбище, запомни».

В Акмолле встретила я с Султаном Тoleбековым. Ему уже было за девяносто. Он пятнадцатилетним видел Иманжусупа и не мог без слез вспоминать о нем. Вообще, все мои респонденты имели одно сходство – как только им сообщалось, что я внучка Иманжусупа, они принимались обнимать меня, вглядываться в мое лицо и, плача, говорили: «Да, похожа, глаза, скулы, лоб – вся в деда». Я успокаивала их, утешала, записывала их речи на диктофон. «Как же нам не плакать! – говорили они. – Ведь он был нашим отцом, нашим заступником и защитником. Все знали: случись что – надо идти к Иманжусупу, он поможет». И начинались рассказы про бесчисленные геройские подвиги Иманжусупа: про то, как два офицера на Кояндинской ярмарке стали стрелять из пистолетов в портрет Кенесары, навесив листок вместо мишени на ветку дерева, и как вышел из толпы могучего вида молодой казах, схватил офицеров, как котят, за шиворот, приподнял и разбросал их

в разные стороны. Потом сорвал листок с дерева и исчез. Долго допытывались у толпы, кто это был, но люди пожимали плечами. И только немногие, перешептываясь, говорили: «Это младший сын Кутпана, настоящий батыр».

В первый свой приезд в Акмолу я поняла, что надо немедленно записывать всех моих дорогих стариков, сделать фильм. И в 1997 году я снова приехала туда со съемочной группой телеканала «Казахстан». То было трудное, голодное время. Денег не было. Я, получив отпускные, пришла к Тамаре Рубцовой, редактору телеканала, где я вела целый год «кулинарную передачу» «Я расскажу вам, как...» и попросила ее помочь сделать фильм. «Проезд и проживание за мой счет, – сказала я, – а гонорара нет». Тамара отправила журналиста, оператора и ассистента. Остановились мы тогда чуть ли не в единственной гостинице «Ишим» и сразу же отправились к Абишу Кекильбаеву, тогдашнему государственному секретарю. Нам удалось подойти к нему в Конгресс-холле. «Я внучка Иманжусупа, скажите нам несколько слов о нем на камеру», – сказала я. Абиш ага был очень удивлен и все повторял: «Так вы живы, вы есть, а мне говорили, что нет у него никого из потомков». Абиш ага долго и вдохновенно говорил об Иманжусупе, и мне не верилось, что он минуту назад и не представлял себе, что ему предстоит участие в фильме. Он говорил сначала на казахском, потом на русском языках. К сожалению, пленку с казахским текстом размагнитили, сказав, что не могут ее долго хранить, а на русском языке фильм сохранился, и слова Абиш ага о народном батыре сейчас растиражированы и встречаются почти в каждом материале об Иманжусупе.

Вот что он говорил тогда о кумире своей юности: «Иманжусуп – одна из романтических личностей недавнего прошлого. Он по призванию художник, творец, композитор, великий музыкант. Он совершал абсолютно неповторимые, незаурядные подвиги, которые до сих пор живо отзываются в сердцах людей. Своим благородством, непризнанием любого насилия, резким протестом против любого проявления социального зла он будет подкупать представителей, наверное, многих поколений всех времен. Жаль, что до сих пор этот человек, эта личность не мог найти достойного художественного воплощения в литературе, искусстве, получить достойную оценку со стороны историков».

Эту оценку народного писателя, государственного деятеля я приняла за программный документ и до сих пор в своих исследовательских работах обращаюсь к нему как к первоисточнику. Всего в пяти предложениях Абиш-ага сформулировал самое главное, что было выдающегося в личности последнего поэта эпохи безвременья в Казахстане. Что касается сожаления мэтра литературы о недостаточном воплощении облика Иманжусупа в литературе и искусстве, то надо заметить, что за эти годы было очень многое сделано в деле возвращения наследия Иманжусупа народу, и многое еще предстоит.

Абиш ага сказал мне на прощанье: «Ты должна написать все, что ты перенесла, и выпустить книгу. Приезжай ко мне, помогу, чем смогу». И вот я в кабинете Государственного секретаря РК, народного писателя РК Абиша Кекильбаева, в руке у меня – папка-скоросшиватель с рукописью книги «Иманжусуп». В Алматы один из издателей небрежно сказал: «О чем разговор? Столько знаменитых авторов не печатают, а тут ты собралась издавать книгу. Даже и не пытайся, ничего не получится».

Но я все-таки решилась, и вот я третий час в кресле, а Абиш ага, раскрасневшийся, взволнованный, читает мою рукопись. Потом он снял трубку и позвонил министру культуры: «Тут внучка Иманжусупа книгу написала о своем деде».

Серьезная вещь. Необходимая. Надо помочь». Прощаясь, он сказал: «Горжусь тобой, ты возвращаешь Иманжусупа народу, родной земле. Это подвиг, не сворачивай с этого пути. Ты теперь не просто Раушан, а плакальщица Иманжусупа». Так он и звал меня с тех пор. Подарил книгу с автографом: «Қадірлі қарындасым Раушанға. Асыл атаңның артындағы жоқшы болып жүрген табанды еңбегіне үлкен ризашылықпен. 6.06.2006 ж.».

Когда Абиш ага скончался, так неожиданно, так внезапно, хотя все знали, что он болел, я вспомнила почему-то аксакалов Акмолы, которые плакали при имени Иманжусупа и все повторяли: «Әкеміз еді (он был нашим отцом)». На похоронах Абиша ага я стояла в толпе и не в силах была сдержать слез: «Әкем еді (он был моим отцом)». Через год после его кончины я сидела в его кабинете рядом с вдовой, Кларой апа, и рассказывала ей о подвиге Абиша Кекильбаева, который так много делал, чтобы возродить забытые имена... И среди них – имя Иманжусупа.

А феномен этого явления, я думаю, в том, что как бы ни старались очернить и оклеветать поэта и композитора, как бы ни пытались предать забвению не только его песни, но и саму память о нем, народ сохранил в сердце своем любовь к тому, кто был его защитником и заступником, кто был его кумиром и героем.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИМАНЖУСУПА

Вернувшись из ссылки в Акмолинск в 1906 году, Иманжусуп, надломленный, в состоянии глубочайшей депрессии после пережитых страданий, не брал в руки домбру, а с переездом на берега Сырдарьи к кровным своим сородичам и вовсе замкнулся. Выезжал из дома только по приглашению уладить конфликты, присутствовал на торжествах и тоях, а когда просили спеть, отвечал отказом. Это обстоятельство, вероятно, запорошило стежки-дорожки ко многим песням Иманжусупа, и некоторые современные доброхоты от искусства отказывают ему в праве занять достойное место в жизни казахской поэзии и музыки, ссылаясь на то, что он является автором всего лишь одной песни – «Ерейментау», и можно ли говорить в таком случае о каком-либо песенном наследии. Это глубоко ошибочное суждение. Песни Иманжусупа, вернее, их малая часть, чудом сохраненная благодаря мужеству и отваге музыкантов и собирателей музыки, живы в памяти народной.

Александр Затаевич, целью жизни которого было сделать народную музыку достоянием мировой культуры, записал в 1925 году шесть песен Иманжусупа, оставив восторженные отзывы о нем современников. С чувством глубочайшего уважения и признательности склоняю голову перед памятью Сабита Муканова и Алькея Маргулана, настоявших на том, чтобы никому не известной певице из Китая позволили записать в 1973 году на Казахском радио песню Иманжусупа «Сары-Арка». Академик с мировым именем Каныш Сатпаев, который преклонялся перед талантом Иманжусупа, искал исполнителей его песен и, по свидетельству Хайдара Арыстанбекова, слушал их, зазвав в свой кабинет. Выдающийся ученый, композитор Ахмет Жубанов, сокрушавшийся о том, что не смог выполнить свой долг перед памятью Иманжусупа, Еркегали Рахмадиев, еще до хрущевской оттепели, нарушая строжайшее вето, записавший в полевых экспедициях песни опального композитора и певца. Все эти люди – легендарные мужественные личности, перед которыми мы в неоплатном долгу.

О Еркегали Рахмадиеве, замечательном композиторе нашего времени, я хочу сказать особо. В 1958 году им был совершен поистине гражданский подвиг. Во время фольклорной экспедиции по Саркандскому району Рахмадиев записывает песню Иманжусупа в исполнении известного певца Темиргали Юсупова. Это произошло за 30 с лишним лет до реабилитации Иманжусупа, и риск, которому подвергали себя музыканты, был огромным. Кассета с записями песен Иманжусупа пролежала в лаборатории без малого полвека, и только людям третьего тысячелетия суждено было принять в дар песню, сохраненную отважными сердцами.

А в 1964 году фольклорной экспедицией в Жамбылской области Макалимом Койшыбаевым был записан новый вариант песни «Сары-Арка». Исполнил ее житель Таласского района Альжаппар Абдыхалыков. Он утверждал, что слышал ее в исполнении Сакена Сейфуллина. А через четыре года композитор Аблахат Еспаев в одном из сел Южно-Казахстанской области услышал песню Иманжусупа в исполнении певца Бесжана Кыстаубаева. Бесжан напел Еспаеву целых два варианта этой песни. Так же как Абдыхалыков из Таласского района, Кыстаубаев слышал ее от Сакена Сейфуллина. В настоящее время обнаружены тринадцать песен Иманжусупа, хранящиеся в Золотом фонде Казахского радио. Почти все они забыты, незнакомы современным исполнителям. Песни Иманжусупа в 70-е годы исполняли такие певцы, как Меиргуль Нурмагамбетова, Жаппас Каламбаев, Сматай Умбетбаев, Галым Нургазинов, Рамазан Баймагамбетов, Айтбек Ныгызбаев, Амина Нугманова и другие.

В золотом фонде Казахского радио хранится запись песни в исполнении Меиргуль Нурмагамбетовой. Осенью 1961 года театральный сезон начался постановкой оперы Брусиловского «Кыз Жибек». В роли Бекежана – Каукен Кенжетаяев. В четвертом акте он обращается к Кыз Жибек, тоскующей по Толегену. Облик Бекежана очень выразителен благодаря песне Иманжусупа «Сармойын». На репетиции один певец назвал Бекежана убийцей. «Что? Тогда и Отелло злодей? Ведь он задушил Дездемону», – парировал Брусиловский. «Но Отелло – раб любви». – «Ну так и мой Бекежан – раб любви. Ему все равно, любит ли его Кыз Жибек. Он любит, и с него довольно. Его любовь к Жибек – его мука и его крест», – отвечал композитор.

Говоря об исполнителях песен Иманжусупа, нельзя не сказать о Жусупбеке Елебекове, непревзойденном певце, который через всю свою жизнь пронес в своем сердце любовь к песням Иманжусупа, внушив это чувство и своим лучшим ученикам. Илья Жаканов, известный музыковед и композитор, вспоминал: «Работая на Казахском радио, я стал записывать Жусупбека Елебекова, знаменитейшего нашего певца. Он был историком казахской музыки и несмотря на то, что по характеру был замкнутым, привередливым, необщительным, мне удалось с его помощью записать свои первые новеллы – песни Акылбая «Ты зрачок моих глаз», «Пресытится сердце другим», «Жас казах». И вот как-то Жусупбек рассказал следующую историю: «Председатель Радиокomiteта на одном из заседаний художественного совета категорически запретил транслировать песни нескольких композиторов, в числе которых был Иманжусуп. Я вспыхнул: «Позвольте эти вопросы решать самим членам совета». Слово за слово, сцепились мы с ним. Кончилось тем, что я ушел из совета и с тех пор туда ни ногой. Жаль только, что народ осиротел, оставшись без песен Иманжусупа. Никому до этого дела нет. Вот что гложет и не дает покоя моей душе. И чем больше я вспоминаю

об этом, тем больше уверяюсь, что виноват был тогда. Надо было побороться тогда за песни Иманжусупа, а не тешить свою гордыню. Склоняю голову перед могучим его талантом и винюсь перед памятью батыра». Так закончил свой рассказ Жусупбек Елебеков.

Илья Жаканов, исследователь творчества казахских композиторов, в журнале «Жулдыз» опубликовал статью «Песни Иманжусупа живут в сердце народа». В статье есть удивительные строки. «Песни Иманжусупа, – вспоминает Илья Жаканов, – запали в мою душу еще с детства. В нашем ауле были два прославленных певца – Алдаберген и Абдрахман. Так вот, когда Абдрахман начинал петь песню Иманжусупа “Беспредельны просторы твои, золотая Арка”, мне казалось, что голос певца заполняет всю степь. Столько мощи, гордого духа было в этой песне, что я чувствовал себя великаном, перешагивающим через горы. Мне казалось, что мимо меня проносятся табуны лошадей, и вся степь наполнена звучным цокотом их копыт. Аксак Асан, бывало, вскочив с места, обнимал певца: “Ну прямо вылитый Иманжусуп! Надо же, и голос, и повадки!” Его перебивал немногословный, сдержанный Сарсен: “Когда-то Иманжусуп гостил в нашем ауле. Вот Абдрахман и выучился этой песне”. Однажды кто-то сказал: “В Моинкумах люди говорят, что Иманжусуп – враг Советской власти, что его расстреляли за то, что выступал против большевиков. Смотри, Абдрахман, как бы и тебя не загребли за эти песни”. Абдрахман взревел: “Да пусть хоть сейчас расстреляют меня! А я пел и буду петь его песни! А ты, трусливая твоя душонка, заткнись и не болтай что попало!” Потом взял домбру, тяжело вздохнул и запел: “О мир, как обманчив ты и жесток! Тоска сковала мое сердце, вдали от вас я буду доколь? Актау, Ортау, Сарысу, Кокколь...”»

Все, кто слушал, завздохали, а кто-то украдкой смахнул набежавшую слезу: «Да, родные места, суждено ли нам свидеться с тобой, родная Сары-Арка?» Мне непонятны были тогда те вздохи и слезы, но позже отец рассказал историю нашего рода, и мне все стало ясно. Оказалось, что до революции 1917 года мы жили на территории нынешнего Жана-Аркинского района, что прежде назывался Сарысуйским. Когда началась повсеместно коллективизация и советизация, весь Сарысуйский район, спасаясь от непомерных налогов и откровенного грабежа, откочевал в сторону Чу. За беглецами снаряжают погоню. Отряд милиции настигает их и учиняет расправу над беззащитными страдальцами. Не выдержав издевательств, Байсеит и Мукаш из рода Жагалбайлы поднимают народ, и мучители находят бесславный конец в ледяной проруби. Власти не разрешают беглецам возвратиться на прежнее место и переселяют весь район в Каратау, объявив старый Саудагент районным центром. С тех пор родная земля стала недосягаемой мечтой для скитальцев, а песни Иманжусупа утоляли их тоску по родным местам, прибавляли сил и вселяли надежду на возвращение.

В песне «Сары-Арка» мы как бы переживаем с Иманжусупом его жизнь, перед глазами встают его родные края, места, где он рос, полная романтики и страстей юность, испытания и тяжкие страдания, выпавшие на его долю. Но как бы ни пытались враги сломить волю Иманжусупа клеветой и наветом, властью и силой, не сдастся батыр, не клонит головы. Судьба батыра Иманжусупа – это как океан во время шторма. Наделенный многими необыкновенными талантами, с детства осознававший свою непохожесть, он избрал высокий путь заступника и защитника народа.

ПЕВЕЦ И ЗАЩИТНИК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Слушаешь рассказы об Иманжусупе, и он вдруг покажется сказочным великаном, так необыкновенны его поступки и дела. Люди спешили к нему, знали, что Иманжусуп всегда готов прийти на помощь, что душа его никогда не смирится с несправедливостью и жестокостью. Может, людская молва и приукрасит своего кумира, были и у него, наверно, проступки и грехи молодости, но никогда он не кривил душой, не прятался за чьи-то спины. Да он бы и не смог этого сделать, ведь так была велика любовь народа к нему, так безгранично доверие простых людей.

Судьбою ему было предназначено стать поэтом. А сердце поэта, ранимое, восприимчивое, не могло уместиться в грудь батыра. «Я сокол, попавший в сети, но я верю, настанет день, что принесет мне свободу. Нет на свете равного мне». Связанный по рукам и ногам, закованный в цепи, батыр бросает вызов своему врагу. Иманжусуп по духу и судьбе близок знаменитому кюйши и композитору Курмангазы, который так же бросал вызов своему врагу Аубакиру в песне «Голодный волк»: «Сколько схваток жестоких прошло, и конь мой упал, пулей сраженный. Но не родился еще такой, как я, чтобы быть мне равным». И Курмангазы, и Иманжусуп превыше всего ценили свободу и волю, терпели лишения и муки, но никогда и никто не мог их упрекнуть в слабости, малодушии.

Иманжусуп неистов в своей ярости. «Ни перед кем не склонял я головы, готов броситься хоть на уездного, хоть на волостного». Эта неистовая ярость роднит композитора, по словам Ильи Жаканова, с вселенским композитором Людвигом ван Бетховеном, которому принадлежат следующие огненные слова: «Если злой рок стучит в твою дверь, выйди и сразись с ним и непременно одержи верх». Так же, как Иманжусуп, Бетховен в далекой Австрии отвергал устои прогнившего общества, ненавидел всей душой их лживую мораль. Он создал музыку, всколыхнувшую весь мир.

Песни Иманжусупа приводили в трепет и друзей, и врагов. В жизни Бетховена был такой эпизод. Однажды Бетховен ехал в карете с одним вельможей. Тот выразил неудовольствие по поводу частых поклонов прохожих. Композитор успокоил его, мол, не тревожьтесь, может, эти поклоны предназначены мне. И вот похожий степной эпизод. Однажды в юрте волостного Шарипа, друга батыра, собралось много гостей. Иманжусуп был в тот день на подъеме, пел песни, шутил. Гости веселились, были оживлены. Довольный Шарип сказал Иманжусупу: «Видишь, батыр, сколько людей сочли за честь быть моими гостями». Иманжусуп отвечал ему: «Это верно. Но быть может, эти люди пришли, чтобы послушать меня». Потом верный друг Шарип предаст Иманжусупа, выдав его солдатам. Знаменитая песня Иманжусупа «Сармойын» – о предательстве друга. «Ты предатель, Шарип. Ты предал меня, а я считал тебя своим другом. Нет для меня горше этой мысли» – поет Иманжусуп, разочаровавшись в дружбе.

Время Иманжусупа – время больших изменений в истории страны, в истории казахов. Рождалось новое государство, но продолжали существовать закостеневшие взгляды на жизнь. В песнях своих он создает образ целостного художественного мира, где герой, отважный, справедливый, должен встать на защиту слабых и сирых. Он и был в глазах людей героем, кумиром, для которого не было преград, для него была главной жизнь сердца, жизнь чувств, со всеми заблуждениями, ошибками, тревогами, успехами, озарениями, страстями, муками и радостями творчества.

Он обладал умом – глубоким, сильным, твердым, сердцем – зорким и трезвым. Это была натура деятельная и бесконечно рефлексирующая, философски мыслящая и стремящаяся к постижению тонкостей человеческого бытия. Иманжусупу свойствен строй национальных воззрений, его мысли соответствуют мировоззренческой позиции казаха конца девятнадцатого – начала двадцатого веков. Любовь к Отечеству Иманжусуп выражает через ненависть к поработителям, колонизаторам и тем, кто вершит несправедливый суд. Песня Иманжусупа учит она оружие общественной борьбы за свободу. Каждое его слово, каждый образ преследует вполне определенную цель, выражает самостоятельное понятие. Им руководит не слепое следование воле рока, но свой собственный выбор.

В патриархальном обществе, где свободного выбора, особенно для молодых, не было, это была редкость, но свобода выбора действий была заложена в семье, это было традицией, идущей от предков. Такие понятия, как благородство, чувство рода были неотъемлемой и существенной стороной его самосознания. Этим объясняется повышенный интерес к собственной значимости и статусу.

Знать родословную значило определить свое место в цепи поколений. С передачей родовых традиций, семейных святынь, имен передаются и качества предков. Личность Иманжусупа не создана им самим, она принадлежит роду, семье, воплощая определенные личностные и коллективные начала. Жан-Жак Руссо утверждал, что человек рождается свободным. Он видит в свободе человека нечто глубинное, считает, что истинное понимание свободы – в способности человека постоянно изменяться, совершенствоваться и потому нести ответственность за все содеянное. Иманжусуп в своих песнях боролся и разоблачал старые установки, но самой главной ценностью для него была земля. Он знал, что должен бороться за нее, отстаивая свое право быть свободным на свободной земле.

Имя Иманжусупа осталось в памяти народа, запечатленное в воспоминаниях очевидцев – известного журналиста Жумабая Орманбаева и писателя, ученого Ауельбека Конратбаева. Так, в книге Ауельбека Конратбаева описывается год переселения Иманжусупа на берега Сырдарьи – 1913-й.

Вот свидетельства из книги Ауельбека Конратбаева «Караван»: «В 1925 году Сакен Сейфуллин был председателем организации пролетарских писателей. Когда я был представлен ему, Сакен спросил: “А ты знаешь Иманжусупа?” – “Да, конечно. Это мой сосед”. – “Организуй встречу, хочу познакомиться с батyroм”. – “Если вы свободны в выходной, я бы мог отвезти вас к нему”. В ту пору знаменитый батыр, возвратившись к кровным своим родичам, жил в Коныре, Бетпак-Дале. Когда Сейфуллин увидел Иманжусупа, богатырского телосложения, необычайно высокого роста, 2 метра 10 сантиметров, с огромными руками, широкой грудью, он не мог скрыть своего восхищения и весь вечер не сводил с него глаз».

В одном из номеров газеты «Казах» в 1916 году была напечатана статья Ауельбека Конратбаева о приезде Иманжусупа на берега Сыра. Иманжусупа называли в народе датка, так как звание деда Турганбая переходило теперь к нему, и он был как бы предводителем рода. Предложу отрывок из нее в своем переводе, как яркое свидетельство отношения народа к своему датке:

«В местечке Акдала, что недалеко от Шиели, собралось народу видимо-невидимо. За ночь как из-под земли выросло около ста юрт, и они предназначены всего лишь для устроителей праздника. Вдали у зимовки Кобланды стоит группа людей. Среди них Иманжусуп. Но вот показалась кочевка Ауэза, и распорядители

послали гонцов им наперерез с тем, чтобы повернуть их туда, где находилась юрта Иманжусупа. Аксакалы по очереди здоровались с Ауэзом, обнимали его. Потом все вместе направились к Иманжусупу.

Каждый вез с собой подарок – кто коня, кто корову, кто верблюда. В глазах рябило от разноцветных попон, накрытых на верблюдах. Торжества должны были идти четыре дня. В первые три дня будут чествовать Иманжусупа, поздравляя его с возвращением на родную землю, на четвертый день будет дан ас – поминки по Турганбаю. К обеду все приготовления закончились. Вдруг раздались крики: «Тойбастар, тойбастар»! Крики эти означали начало торжеств. Из юрт выходили люди в ярких нарядах и с песнями шли к тому холму, где находился Иманжусуп и окружавшие его аксакалы. Но вот вперед выступил Мансур акын, старший брат Нартая. Настроил домбру, украшенную пером филина, и звучным голосом начал заздравную. В первый день были объявлены состязания с копьём. Состязания начались поединком Иманжусупа и Текея. Участники с копьями наперевес мчатся навстречу друг другу на лошадях и, поравнявшись, стремятся поразить противника. Иманжусуп легко победил Текея, и первый приз достался ему. К вечеру все собрались в юртах, где выступали певцы, акыны, жыршы. Стол ломился от угощений. Подали чай, но взоры всех прикованы к участникам айтыса Боле и Сыздыку. Иманжусуп обходил все юрты, знакомился с сородичами, наконец, дошел до юрты, где проходил айтыс. Все встали и начали обниматься с батыром, прикасаясь к его груди. Высокий, с могучей грудью Иманжусуп казался великаном среди людей, которые в большинстве не доставали даже до его груди.

Наконец батыр, сняв дорогой бухарский чапан, сел рядом с певцами. От подушек и пуховиков отказался, сидел прямо и был похож на изваяние. Собравшиеся стали просить его спеть песню. Он спел «Ерейментау», сложенную им в годы ссылки. Мелодия песни, исполненная неизбывной печали, тоски и вместе с тем горячей сыновней любви к родным местам, рождала в памяти образ могучего орла, парящего высоко в небе.

Три дня продолжался праздник, и разговоры были только об Иманжусупе, о его славных предках, о нем самом, о его героических подвигах. Все были счастливы от того, что Иманжусуп был рядом с ними, и есть теперь у них датка, защитник и заступник, который поможет в лихую годину».

Творчество Иманжусупа – яркое явление в литературе и музыке. Его песни – это песни протеста и бунта, ярости и неукротимого духа, и вместе с тем в них отчетливо прослеживается одна главная направляющая тема – тема Родины, родной земли. Используя фольклорные жанры, Иманжусуп пытался максимально выразить народные представления о жизни и справедливости, воспроизвести народный характер.

Иманжусуп – явление национальное и явление общемирового порядка в своей глубокой национальной сути. Национальное в нем проявляется в отношении к миру и человеку, во взглядах его на мир, в художественном мышлении, которое формирует национальное содержание и национальную форму художественности, воссоздающую в полноте и целостности национальный мир как доминанту и центр его творческой Вселенной.

